

Майков Аполлон Николаевич

**Из-за чего пошли войны
России с мусульманством**

Книга 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А76

А76 **Аполлон Николаевич М.**
Из-за чего пошли войны России с мусульманством: Книга 3 / Майков Аполлон
Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-94646-9

ISBN 978-5-519-94646-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

потомъ бѣжалъ въ Юрьевецъ Повольскій, гдѣ и умеръ, а дѣти его переѣхали жить на рѣку Чусовую, въ нынѣшнюю Пермскую губернію, въ вотчины именитыхъ людей Строгановыхъ.

Строгановы были важные и умные люди. Они просили себѣ у государя пустопорожнія земли между рѣками Камой и Чусовой, около Уральскихъ горъ, для того, что тамъ удобно варить соль—и всякой руды много. Царь далъ имъ земли съ тѣмъ, чтобъ ужъ они сами тамъ всѣмъ распоряжались: и народъ селили-бы, и городки-бы строили, и ружья и пушки имѣли-бы, и ратныхъ людей; и сами-бы оборонялись отъ сосѣднихъ дикихъ народцевъ.

И Строгановы начали устраивать этотъ край—и вели дѣло умно, и за всякой своей нуждой сами переписывались съ царемъ. Вотъ у нихъ-то и поселились сказанные выходцы, Родіонъ съ Тимоѣемъ, и родились у нихъ дѣти; между прочими у Тимоѣя былъ сынъ Василій.

Этотъ Василій былъ удалой малый; красавецъ собой, роста средняго, волосы имѣлъ темные, бороду—черную; былъ силенъ и рѣчистъ. Онъ ходилъ на стругахъ по Волгѣ и Камѣ, и когда былъ еще кашеваромъ въ своей артели, товарищи придали ему прозвище Ермакъ, что означаетъ таганъ артельный. Но не ужился Ермакъ у Строгановыхъ: тѣсно ему было жить въ работникахъ, захотѣлось поискать своей долишки. Манила его жизнь удалая, Волга-матушка—широкое раздолье. Тамъ по-

гуливаютъ люди вольные, казаки государевы, ходятъ—высоко держатъ голову, славой своей и казной похваляются, съ басурманами сражаются за вѣру христіанскую. Пошелъ къ нимъ Ермакъ, да скоро и въ ата-маны попалъ. Что тутъ было имъ по Волгѣ подѣлано, сколько годовъ тутъ было погулено, много-ли на душу грѣха было принято,—доподлинно неизвѣстно. Видно только, что или не совсѣмъ воромъ и разбойникомъ считалъ себя Ермакъ, или, можетъ быть, хотѣлъ заслужить милость царскую,—только когда разъ взбунтовались Черемиса и Казанскіе татары, и царь послалъ на нихъ воеводъ своихъ—Ермакъ съ своею шайкою ходилъ воеводамъ помочь, царю послужить. Угломонили бунтовщиковъ—отплылъ онъ опять разгуливать по Волгѣ матушкѣ, по морю Хвалынскому. Громче прежняго купцы Хивинскіе, Бухарскіе, Персидскіе и наши стали жаловаться, что на Волгѣ отъ воровства и шалостей способа нѣтъ. Строже прежняго стали грозить изъ Москвы. Наконецъ бѣда стряслась важная. Ёхалъ въ Москву Персидскій посланникъ. Ермаковы люди во хмѣлю и задрали людей посланниковыхъ. Вышла драка, руки расходились, самъ посланникъ былъ убитъ. Тутъ грозный царь опалился, послалъ воеводъ наказать царскихъ послушниковъ, очистить Волгу отъ разбоевъ. Пришлось волжскимъ удалцамъ противъ царя воевать. Воеводы разбили ихъ огромное скопище. Которыхъ разбойниковъ изловили, которыхъ загнали въ степь, въ море. Ермакъ же, чуть слышалъ о приходѣ воеводъ, скрылся

невѣдомо куда. Объявлено было, что гдѣ только окажутся главные атаманы, тѣхъ брать, вязать и вѣшать безо всякаго разговора. Въ ихъ числѣ изъ самыхъ главныхъ поименованы—и Ермакъ Тимоѣевичъ, и товарищъ его Иванъ Кольцо.

Плохо пришлось Ермаку Тимоѣичу. Пробрался онъ въ мѣста прикамскія съ разбитой своей шайкою, съ худой своей славушкой. Напала на него лютая тоска. Вотъ она куда завела воля вольная, удалъ молодецкая: вышелъ на Волгу добрымъ молодцомъ, вернулся царскимъ ослушникомъ! Никуда показаться нельзя: по Волгѣ ходить—все ворами слыть; въ Казань, въ Астрахань пойти—повѣшену быть! Ужъ нашелъ же ты, Ермакъ, свою долюшку, шатался-мотался по чисту полю да по синю морю, и выслужилъ награду царскую: всего два столбика съ перекладинкой—на ней только петельва шелковая. Все-то теперь Ермаку опротивѣло. Хотя бы все бросить, да въ монастырь пойти. Надо сказать, что Ермакъ не походилъ на другихъ атамановъ: церковь почиталъ и въ шайкѣ своей держалъ порядокъ, и злодѣйства не допускалъ, и за всякое дѣло нехристіанское виновныхъ въ мѣшокъ съ камнями зашивалъ да въ воду опускалъ. Повѣдалъ, видно, свою кручину Ермакъ Тимоѣевичъ своимъ родичамъ: тѣ поговорили Строгановымъ, а Строгановы были умные старики; руки имъ были надобны. Согласились они Ермаку въ бѣдѣ помочь. И послали къ нему ласковую грамоту съ такими рѣчами: «Чѣмъ мотаться тебѣ по бѣлу свѣту, ты

бы, Ермакъ Тимоѣевичъ, послужилъ честнымъ лю-
дамъ, а у насъ про тебя дѣло нашлось бы. Пожа-
ловалъ намъ государь земли за Угорскимъ камнемъ, по
рѣкамъ по Тагилю и по Тоболу, а бы *) мы тамъ острожки
поставили, чтобы на государевы земли Сибирскимъ на-
родцамъ, Остякамъ и Вогуламъ, а тѣмъ паче Сибир-
скому царю, татарину Кучуму, путь перехватили; ко-
торые народцы царю покорность изъявятъ, съ тѣхъ бы
мы дани принимали и къ царю бы отсылали; а какіе
купцы пойдутъ, тѣхъ бы мы оберегали. И ты бы, Ер-
макъ Тимоѣевичъ, намъ это дѣло справлялъ; ты бы
набралъ вольныхъ людей, охотниковъ, а мы бы тебѣ все
нужное дали; послужилъ бы ты царю вѣрой-правдою
и заслужилъ бы прежніе грѣхи свои».

Какъ получилъ эту грамоту Ермакъ Тимоѣевичъ,
созвалъ онъ казацкій кругъ и вышелъ къ нему со
свѣтлымъ лицомъ, и велѣлъ передъ всѣми читать гра-
моту. «Кто хочетъ, братцы, со мной иди; кто не хо-
четъ—тому воля вольная. А ужъ я вамъ не товарищъ.
Кто же со мной пойдетъ, тотъ на словѣ крѣпко стой,
чтобъ ужъ воровства и пакости за нами не водилось».
И всѣ его любимые товарищи, храбрые есаулы—Иванъ
Кольцо, да Иванъ Гроза, Яковъ Михайловъ, Никита
Панъ, Матвѣй Мещерякъ—всѣ возрадовались: «Намъ
безъ тебя, Ермакъ Тимоѣевичъ, все равно пропадать.

*) Чтобы.

Куда ты, туда и мы. За тебя головы свои положить согласны». И набралось съ ними еще пятьсотъ сорокъ человѣкъ. И пошли они въ Чусовые городки, и приняли ихъ именитые люди Строгановы съ великою честью. И стали снаряжать за Югорскій камень; дали отъ себя еще триста человѣкъ ратныхъ людей, и Литвы, и Нѣмцевъ, и Татаръ, и Русскихъ; снабдили ихъ одежей, и запасами, и воинскими доспѣхами, и ружьями и маленькими пушечками; свинцу и пороху дали вдоволь, да шесть поповъ, да вожakovъ и переводчиковъ, и проводили ихъ съ молебномъ на судахъ въ дальнѣйшій путь, въ неизвѣстную землю Сибирскую.

Шель Ермакъ по рѣкѣ по Чусовой, потомъ по Серебряной, перетанцился волокомъ въ Жаравлю рѣку; тамъ построилъ легкія лодочки коломенки, поплылъ Жаравлей рѣкой въ Тагиль рѣку; изъ Тагиля вошелъ въ Туру рѣку... Сторона была пустынная, тишина глубокая, ясное время стояло, сентябрь мѣсяцъ. Шли казаки скоро и весело. По рѣкамъ птицы, по берегамъ звѣря—великое множество. Какъ выстрѣлятъ изъ ружья—все всполошится, выстрѣль-то по пустыннымъ мѣстамъ далеко перекатывается, чуть ли не на всю Сибирь. Лодочки идутъ, казаки пѣсни поютъ: эхъ, сторона-то богатая!.. Только рѣдко-рѣдко гдѣ пашеньки попадутся; рѣдко-рѣдко гдѣ выглянутъ люди дикіе и прочь побѣгутъ. Только вотъ глядятъ казаки—словно войско стоитъ. Войско зашевелилося: аль встрѣчать идетъ непрощенныхъ гостей? Вышли казаки на берегъ, да какъ гря-

нули изъ ружей—все войско попадало. Засмѣялись казаки, пошли ходить между лежащими, стали искать ихъ наибольшаго. Чуть начнутъ Сибирцы подымать головы, опять кто нибудь выстрѣлитъ—и тѣ опять носомъ уткнутся въ землю. Нашли наконецъ наибольшаго; оказалось, что войско велъ Сибирскаго царя Кучума мурза Таузакъ. Ермакъ обошелся съ нимъ ласково, угощалъ и выпрашивалъ про царя Кучума и про мурзъ его и улановъ, и гдѣ его столица, и сколько у него силы, и далеко ли и какъ идти туда,—и отпустилъ его домой. Мурза прибѣжалъ къ Кучуму и на всѣхъ нагналъ страхъ своими разсказами: «Такіе, молъ, идутъ люди, роду Русскаго, какихъ и не видано; сами сильные, а когда стрѣльнуть изъ луковъ своихъ, то изъ конца дымъ и огонь исходитъ и громко голкнетъ, аки громъ на небеси; стрѣль исходящихъ не видать, а уязвляютъ ранами и смертию побиваютъ, и защититься отъ нихъ никакими ратными сбруями не можно; ни панцыри, ни кольчуги наши не держатъ, все пробиваетъ на вылетъ». Это ихъ такъ ружейная пальба перепугала. Ружья-то они еще не видывали,—и у насъ оно тогда только что завелось, при томъ же царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Пушки-то были и до него.

Царь Кучумъ переполошился, а съ нимъ и мурзы, и муллы его, и князьки, и шаманы *) сибирскіе. Собрались на совѣтъ. Шаманы говорили, что съ этими

*) Колдуны, предсказатели.

людьми приходитъ гибель Кучумову царству; что въ воздухѣ, надъ самой Кучумовой столицей, всё видѣли городъ, а въ этомъ городѣ—каменные башни, на башняхъ висятъ колокола, а наверху—кресты; что, извѣстно, такіе города—Русскіе, и показываются они теперь на небѣ, и, того гляди, сойдутъ на Сибирскую землю, и вся Сибирская страна наполнится Русскими людьми и Русскими городами. Кучумъ, будучи мусульманиномъ, хотъ и презиралъ шамановъ, но побаивался ихъ; говорилъ, что они врутъ, а самъ распрашивалъ объ огненной пальбѣ. Нашлись, которые видали ружье въ Перми и у Строгановыхъ, и говорили, что отъ грома его вреда не дѣлается никакого, а прошибаетъ только пуля, — что, все равно, и стрѣла вѣдь ранитъ смертельно. Понялъ-ли, не понялъ-ли Кучумъ, только тотчасъ повѣстилъ, чтобы самоскорѣйше подымались и шли къ нему всё подвластные ему мурзы и уланы, и Татары, и Остяки, и другіе Сибирцы. Самъ онъ заперся въ главномъ своемъ юртѣ, въ городкѣ, называемомъ Сибирь или Искеръ; а сыну своему или племяннику, доподлинно неизвѣстно, по имени Мегметъ-Кулу, назначилъ идти съ большой ратью на Ермака, и чтобъ онъ старался уничтожить Русскихъ. «Если-жь, паче чаянія, не возьмешь силой, то тревожь и истребляй ихъ всѣми мѣрами, а главное старайся заманить ихъ на Иртышъ: тамъ же мы устроимъ засаду и всѣхъ перебьемъ ихъ навѣрное». Этотъ Мегметъ-Кулъ считался самымъ славнымъ Сибирскихъ странъ богатыремъ: великанъ ростомъ,

силы непомѣрной, онъ въ своихъ золотыхъ одеждахъ, отороченныхъ соболями, въ чешуйчатыхъ латахъ на груди и въ золотомъ шлемѣ съ орлиными крыльями, далеко видѣнъ былъ и между своею Татарскою конницей, а тѣмъ паче надъ малорослыми Сибирцами, съ головы до ногъ одѣтыми въ звѣриныя шкуры.

Мегметъ-Куль сталъ на Тоболѣ рѣкѣ, между Тавдою и Иртышемъ, и дожидаль нашихъ, старался главное объяснить своему войску про ружейную стрѣльбу, чтобы ея не боялись; молилъ стоять крѣпко, потому что по сибирскимъ правамъ, кто побѣдитъ, того и земля будетъ и люди. Провѣдавъ, что казаки недалеко отъ него высадились, послалъ онъ на нихъ впередъ свою конницу, а вслѣдъ за ней и пѣшее войско съ копьями и стрѣлами. Казаки встрѣтили ихъ выстрѣлами изъ пушекъ и ружей. Тѣ было дрогнули, но скоро опомнились, особенно Татары; да и Сибирцы ужъ не падали отъ грома, а только разбѣгутся, да опять скучатся и стрѣляютъ изъ луковъ. Казаки кинулись на нихъ въ рукопашъ; сѣча была зла; но, видя паденіе многихъ своихъ, войска Мегметъ-Куловы не выдержали и побѣжали. У нашихъ тоже были и убитые, и раненые. Ермакъ поплылъ дальше внизъ по Тоболу, спѣша на Иртышъ, гдѣ Кучумовъ юртъ. Дорогой былъ еще бой: разбили казаки Кучумова мурау Карачу и взяли его юртъ и богатую добычу—золота, припасовъ, меду,—и перетасили все на свои коломенки.

Разсказываютъ, что юртъ этотъ взяли они хитростью.

Понадѣлали чучель изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки, — и привязали въ лодкахъ, оставивъ при нихъ малое число людей, а сами тайно высадились на берегъ. Подошли лодки и стали противъ юрта. Высыпали Татары на берегъ и стали пускать стрѣлы. Стрѣляютъ и дивуются, какіе это люди Русскіе — крѣпкіе: стрѣлъ въ нихъ что въ снопики налѣплено, а они всѣ невредимы стоятъ. Настоящіе же казаки тѣмъ временемъ зашли Татарамъ въ тылъ, и вдругъ голкнули изъ ружей. Такъ юртъ и взяли.

Мегметъ-Куль между тѣмъ не терялъ казаковъ изъ виду, по высокому берегу въ нѣкоторомъ разстояніи провожая ихъ своею конницею; гдѣ рѣка суживается между горъ, онъ засядетъ на горахъ за кустами, и сыпетъ внизъ на плывущихъ стрѣлы и камни. При впаденіи Тобола въ Иртышъ, Ермакъ счелъ наконецъ за нужное отдѣлаться отъ своихъ провожатыхъ, причалилъ къ берегу, храбро напалъ на нихъ и заставилъ бѣжать. Убитыхъ тутъ у насъ не было, но почти всѣ казаки были уже ранены. Многіе стали призадумываться. Нужно было хоть гдѣ-нибудь остановиться отдохнуть; исходилъ второй мѣсяцъ ихъ похода, наступало 22-ое октября. Войдя въ Иртышъ, Ермакъ повернулъ внизъ по рѣкѣ; казаки скоро увидали какое-то старое городище *), удобное для привала, и, не встрѣчая на всемъ Иртышѣ непріятеля, расположились въ городищѣ. Но

*) Остатки бывшаго селенія.

это-то и была устроенная Кучумомъ засада. На это-то городище Кучумъ и разсчитывалъ. Онъ велѣлъ заблаговременно совсѣмъ его очистить и оставить пустымъ. Близъ же него стоитъ высокая гора Чувашева; на этой горѣ расположился самъ Кучумъ съ половиной своего войска; а другую половину, подъ начальствомъ Мегметъ-Кула, укрылъ онъ съ другой стороны городища, сдѣлавъ для того нарочно засѣку, и обведя ее валомъ. Завидя казаковъ, Татары притаились въ своихъ мѣстахъ. Казаки же ужъ вечеромъ подплыли къ городищу, стали пищу варить и готовить себѣ ночлегъ; какъ вдругъ замѣчаютъ, что въ засѣкѣ людей—видимо-не-видимо. Свѣдавъ, что и на Чувашевой горѣ стоитъ самъ Кучумъ, и что они окружены всей его силой, — они, усталые и раненные, вдругъ впали въ страхъ и отчаяніе, собирались въ круги и требовали, чтобы ночью же садиться на суда и ѣхать назадъ. Есаулы стали было уговаривать, а имъ отвѣчали: «Да вы посмотрите: ихъ, вѣдь, нехристей—тѣмы, а мы всѣ на-перечетъ. Сколькихъ товарищей уже похоронили! Понѣсла насъ нелегкая, по невѣдомымъ рѣкамъ—ужли-жъ затѣмъ, чтобъ берега утыкать крестами надъ казацкими могилами? Погуляли, страху задали, добычи набрали, — пора и честь знать, домой поворотить; чего еще дожидаться?» Слыша такія рѣчи, приуныли и есаулы, и старшіе по Ермакѣ агаманы, его помощники—Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза. Ермакъ одинъ сидѣлъ поодаль, поглядывалъ на засѣку Мегметъ-Кулову и на круги своихъ